

65 лет

со времени написания

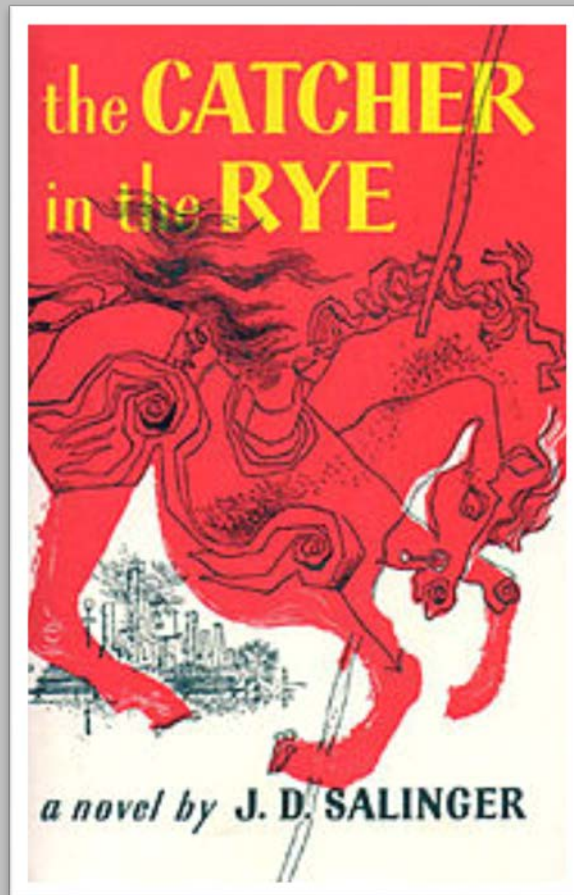
Сэлинджер, Дж. Д. Над пропастью во ржи : роман / Джером Дейвид Сэлинджер. – М. : Эксмо, 2015. – 221, [1] с.

<http://www.e-reading.club/book.php?book=55486>

Джером Дэвид «Джей Ди» Сэлинджер – писатель-классик, писатель-загадка, на пике своей карьеры объявивший об уходе из литературы и поселившийся вдали от мирских соблазнов в глухой американской провинции. После 1965 года Сэлинджер перестал публиковаться. Своё последнее интервью он дал в 1980 году.

Сэлинджер вырос на Манхэттене, начал писать рассказы в средней школе. Первые сочинения были опубликованы ещё до начала Второй мировой войны. Когда началась война, Сэлинджер добровольцем пошёл на фронт. Его не брали по состоянию здоровья, но он добился своего. Уже будучи на фронте, он написал в своём дневнике: «Я чувствую, что я нахожусь в нужное время в нужном месте, потому что здесь идёт война за будущее всего человечества».

6 июня 1944 года сержант Сэлинджер в составе отдела контрразведки 12-го пехотного полка 4-й пехотной дивизии участвовал в высадке десанта в Нормандии, затем в битвах в Арденнах и Хюртгенском лесу. Работал с военнопленными, принимал участие в освобождении нескольких концлагерей (включая, видимо, концлагерь Дахау). На фронте встретился с военным корреспондентом и писателем Эрнестом Хемингуэем, чьи личные качества и стиль письма оказали большое впечатление на Сэлинджера; в свою очередь Хемингуэй оценил литературные таланты начинающего автора. После победы над Третьим рейхом, полечившись от боевой психической травмы, занимался денацификацией Германии.

Обложка первого американского издания романа

Спустя одиннадцать лет после публикации первых рассказов, 16 июля 1951 года, выходит из печати (издательство *Little, Brown and Company*) единственный роман Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (в других переводах – «Обрыв на краю ржаного поля детства», «Ловец на хлебном поле», англ. *The Catcher in the Rye* – «Ловец во ржи»), над которым писатель работал с 1941 года. Роман встретил дружное одобрение критики и до сих пор сохраняет популярность среди старшеклассников и студентов, находящих во взглядах и поведении героя, Холдена Колфилда, близкий отзвук собственным настроениям.

В период с 1961 по 1982 гг. «Над пропастью во ржи» стала самой запрещаемой книгой в школах и библиотеках США. Холдена описывали как «дурной пример» для молодёжи. Запретительные действия зачастую приводили к обратному эффекту: роман привлекал к себе только больше интереса.

К 1961 году роман был переведён уже в двенадцати странах, включая СССР, где его напечатали в переводе Риты Райт-Ковалёвой в журнале «Иностранная литература» (№ 11 за 1960 год). Сам текст, на родине писателя критиковавшийся за «грубость», был ею немного «смягчён». Сейчас роман переведён почти на все мировые языки. В 2005 году журнал *Time* включил роман в список 100 лучших англоязычных романов, написанных начиная с 1923 года, а издательство *Modern Library* включило его в список 100 лучших англоязычных романов 20-го столетия.

Роман «Над пропастью во ржи», имевший оглушительный успех и снискавший любовь читателей во всём мире, стал переломной вехой в истории мировой

литературы. И название романа, и имя его главного героя сделались кодовыми для многих поколений молодых бунтарей – от битников и хиппи до современных радикальных молодежных движений. Не одно поколение молодёжи сочувственно следило за потерей детских иллюзий Холденом Колфилдом, взрослеющим героем книги. За короткий срок были проданы беспрецедентные 60 миллионов копий, и до сих пор ежегодно реализуется порядка 250 000 экземпляров этой книги.

<https://www.livelib.ru/book/1000599837>

Первыми предшественниками «Над пропастью во ржи» стали ранние рассказы Сэлинджера, во многих из которых намечаются темы, впоследствии поднятые писателем в романе.

Главные герои большинства произведений Сэлинджера – дети и подростки до 17 лет. Однако его нельзя назвать «детским» писателем. В своих произведениях (в первую очередь в романе «Над пропастью во ржи») Сэлинджер поднимает тему противостояния героя-подростка с его идеалами и максимализмом жестокости и подлости окружающего его «взрослого» мира. По словам филолога Андрея Аствацатурова, Сэлинджер интуитивно с помощью литературных средств создал образ того, что в 1980-х и 1990-х годах французские философы Жан-Люк Нанси и Ф. Лаку-Лабарт назовут дезистирующим (отрекающимся) субъектом. Герои его произведений заключают в себе существование, не находящее в себе четких границ и определений, будто отрекающееся от самого себя.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Сэлинджер,_Джером_Дэвид

Произведение четко переплетается с биографией Джерома Сэлинджера. Так, описывая свою семью, Холден Колфилд рассказывает о своём старшем брате Д. Б. По всей видимости, данная аналогия относится к самому Сэлинджеру, так как Д. Б. является писателем, который «писал рассказы», «учился в Колумбийском университете», пока не перебрался в Голливуд (отличие лишь в том, что Сэлинджер не делал киносценарии как прототип книги). Дополнение к всему сказанному – цитата про воинскую службу в американской армии во время Второй мировой войны.

Сэлинджер очень любил детей, с их наивным, но честным взглядом на окружающую действительность. Он ставил на первое место нонконформизм, индивидуализм: вечную борьбу между стереотипными взглядами и внутренним миром, показывая, что буддийское «созерцание», а сам писатель был большим поклонником восточной философии, куда важнее бытовых проблем, благополучия и успешности. Второй проекцией писательских воззрений, пожалуй, самой важной, стал и сам главный герой Холден Колфилд.

Шестнадцатилетний американец Холден Колфилд пишет нам, или рассказывает, из туберкулезного санатория, где ему, конечно, не придет в голову актерствовать, сочинять педагогические сюжеты из своего «дурацкого детства». Ему бы почестнее исповедаться перед нами, читателями, а может быть, и перед самим собою, и потому он без дальних предисловий, без всей этой «давидкоперфильдовской мути», просто рассказывает о трех днях своей жизни, стараясь не упустить ни одной мелочи, называя все вещи своими именами и меньше всего рассчитывая понравиться нам, – и больше всего он нравится нам за это.

В эти три дня случилась простая вещь. Случилось так, что Холден, покинув школу и еще не придя домой, оказался внезапно вышибленным из привычной колеи, из своей уважаемой обыденщины, и остался наедине с собой. Даже не остался, а просто повис над гигантским, бурлящим и пустынным городом. В описаниях Сэлинджера Нью-Йорк поразительно бесцветен. Есть только жуткий холод «и кругом ни души». А Холден не в таком возрасте, когда одиночество закаляет.

Холден взят в те дни своей жизни, когда его обступили большие и малые неприятности, когда у него все плохо: и пальто украли, и шпаги для фехтовальных состязаний забыл в вагоне метро, и из школы в четвертый раз исключили, и многое другое. Все отвратительно... В сердце тоска и муть... Вот и слоняется в этом мире Холден тоскливо и бестолково, беспомощный перед жизнью, которая его не устраивает, в которой жить плохо, где человеку негде отогреть душу. Теплота ему необходима.

Холден поразительно откровенен, он говорит начистоту обо всех слабостях, неудачах, об ощущениях, в которых ему неловко и больно признаться. Ни одно движение Холдена не фальшиво, ни одна строчка в романе не покоробит нас неверно взятой интонацией. Ему часто бывает «жалко», часто «грустно».

Если рассматривать философские воззрения Холдена с точки зрения отношения к вопросу души и разума, то он, несомненно, принадлежит к идеалистам. Взгляды Холдена на жизнь – это разделение мира на «белое и черное». Его

привлекает общечеловеческое содержание, гуманность, обобщение и анализ причин человеческих страданий и поиск пути избавления от них. В его мировоззрении окружающая действительность не настоящая и иллюзорная.

Описания смысла жизни героя в романе – это поиск эталона любви, добра, высшего человека, идеального человека. Подросток много читает, пытаясь в книгах найти ответ на свои вопросы. «Вообще я очень не образованный, но читаю много», – говорит Холден. Но, так или иначе, столкновения с реальной жизнью не избежать, именно поэтому Холден конфликтует с учителями, родителями, одноклассниками. Холдена возмущает «показуха» и отсутствие самой элементарной человечности в жизни. Холден создал свой собственный мир, в который прятался от окружающих.

Холдена никак не назовешь благонаправленным юношей. Он бывает без особой на то надобности лжив, непоследователен и эгоистичен. Однако неподдельная искренность героя в рассказах о себе компенсирует многие недостатки его неустоявшегося характера. В последних главах романа он выглядит уже гораздо терпимее и рассудительнее. Холден начинает замечать и ценить такие замечательные качества как приветливость, радушие, воспитанность, столь распространенные среди его сограждан в повседневном общении.

Психологическая атмосфера романа «Над пропастью во ржи» точно соответствовала настроениям рубежа 1940-1950-х годов, захваченных волной идейного разбора и квинтизма. Для значительной части населения США большие проблемы, занимавшие умы в военное и предвоенное время, отступили в сторону; лозунгами дня становились приобретательство и потребительство – неловкие

попытки оправдать эгоистическую мораль и увязать её с принципом общественной пользы. Резким диссонансом к этим умиротворяющим рассуждениям буржуазных идеологов прозвучал взволнованный голос сэлинджеровского Холдена Колфилда, дерзнувшего обвинить современную ему Америку в самодовольстве, лицемерии, душевной черствости. Главное обвинение, которое подросток бросал окружающему миру, – это обвинение в фальши, в сознательном, а потому особенно отвратительном притворстве, «показухе».

Мысли об уединении не покидают Холдена на протяжении всего романа:

«И вдруг мне пришла в голову мысль. – Слушай! – говорю. – Вот такая у меня мысль. Хочешь удрать отсюда ко всем чертям? Вот что я придумал. У меня есть один знакомый в Гринич-Вилледж, я у него могу взять машину недельки на две. Он учился в

нашей школе и до сих пор должен мне десять долларов. Мы можем сделать вот что. Завтра утром мы можем поехать в Массачусетс, в Вермонт, объездить там всякие места. Красиво там до чёрта, понимаешь? Удивительно красиво! – Чем больше я говорил, тем больше я волновался. Я даже наклонился и схватил Салли за руку, идиот проклятый! – Нет, кроме шуток! – говорю. – У меня есть около ста восьмидесяти долларов на книжке. Завтра утром, как только откроют банк, я их возьму, а потом можно поехать и взять машину у этого парня. Кроме шуток. Будем жить в туристских лагерях и во всяких таких местах, пока деньги не кончатся. А когда кончатся, я могу достать работу, будем жить где-нибудь у ручья, а потом когда-нибудь мы с тобой поженимся, всё как надо. Я сам буду рубить для нас дрова зимой. Честное слово, нам так будет хорошо, так весело! Ну как? Ты поедешь? Поедешь со мной? Поедешь, да?».

«Я решил уехать. Решил, что не вернусь больше домой и ни в какие школы не поступлю. Решил, что повидаяюсь с сестрёнкой, отдам ей деньги, а потом выйду на шоссе и буду голосовать, пока не уеду далеко на Запад. Я решил – сначала доеду до Холленд-Таннел, оттуда проголосую и поеду дальше, потом опять проголосую и опять, так, чтобы через несколько дней оказаться далеко на Западе, где тепло и красиво и где меня никто не знает. И там я найду себе работу. Я подумал, что легко найду работу на какой-нибудь заправочной станции у бензоколонки, буду обслуживать проезжих. В общем, мне было всё равно, какую работу делать, лишь бы меня никто не знал и я никого не знал. Я решил сделать вот что: притвориться глухонемым. Тогда не надо будет ни с кем заводить всякие ненужные глупые разговоры. Если кто-нибудь захочет со мной поговорить, ему придётся писать на бумажке и показывать мне. Им это так в конце концов осточертеет, что я на всю жизнь избавлюсь от разговоров. Все будут считать, что я несчастный глухонемой дурачок, и оставят меня в покое. Я буду заправлять их дурацкие машины, получать за это жалованье и потом построю себе на скопленные деньги хижину и буду там жить до конца жизни. Хижина будет стоять на опушке леса – только не в самой чаще, я люблю, чтобы солнце светило на меня во все лопатки. Готовить еду я буду сам, а позже, когда мне захочется жениться, я, может быть, встречу какую-

нибудь красивую глухонемую девушку, и мы поженимся. Она будет жить со мной в хижине, а если захочет что-нибудь сказать – пусть тоже пишет на бумажке. Если пойдут дети, мы их от всех спрячем. Купим много книжек и сами выучим их читать и писать».

Грёзы о хижине у ручья на опушке, воплотились и в реальной жизни Сэлинджера. В 1955 г. писатель женится на своей девятнадцатилетней избраннице Клэр Дуглас. Будучи ещё совсем юной, девушка родила писателю двух детей – дочку Маргарет и сына Мэтью. Маргарет в 1999 году написала книгу об отце – «Над пропастью во сне: Мой отец Дж. Д. Сэлинджер».

Примечателен один эпизод в романе, очень важный для понимания внутреннего мира взрослеющего подростка. По дороге в музыкальный магазин, в котором он надеется купить для Фиби, своей младшей сестры, пластинку, Холден слышит, как какой-то маленький мальчик поёт: «Если ты ловил кого-то вечером во ржи...» Песенка мальчика поднимает ему настроение. Позже Холден делится с Фиби своей мечтой, навеянной услышанной песенкой (Фиби замечает, что это искажённое стихотворение Роберта Бёрнса):

«Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом – ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И мое дело – ловить ребятшек, чтобы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему. Наверно, я дурак».

Холден, а точнее сам Сэлинджер – выросший, но в глубине души не повзрослевший или не захотевший взрослеть, чтобы не растерять нечто важное, – далеко не дурак. Он хорошо понимает, как сложно вступать в мир взрослых с его проблемами: непониманием друг друга, граничащим с равнодушием, неоправданной жестокостью, социальной несправедливостью. Поэтому у Холдена появляется такая странная, на первый взгляд – взгляд взрослого, мечта. Но если вдуматься, что может быть важнее защиты и спасения (во всех смыслах) детей?

Холден мечтает спасти чистые, невинные души детей от падения в пропасть безнравственности, бездуховности. Дети ещё не испорчены. Поэтому Холден и боится стать таким, как взрослые. К сожалению, мальчика никто не понимает, и взрослые находят самый простой способ избавиться от него: отправить на лечение в

санаторий для нервных больных. Но если кого и надо лечить, то тех людей, которые окружают Холдена, то общество, которое погрязло в обмане и лицемерии. Сэлинджер в повести «Над пропастью во ржи» делает печальный вывод: молодое поколение США находится на краю обрыва, с одной стороны которого находится жизнь по законам добра и справедливости, а с другой – пропасть лицемерия и зла.

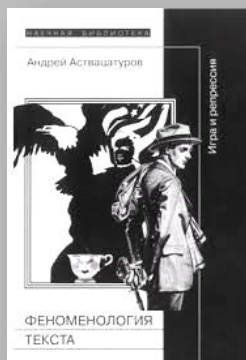
<https://www.studfiles.ru/preview/5652461/>

С момента публикации романа «Над пропастью во ржи» продюсеры и режиссёры, сценаристы и актёры не прекращают попыток адаптировать его для большого экрана, но никому пока не удавалось одолеть первую же преграду: сам автор наотрез отказывался продавать права на книгу. Уговорить Сэлинджера сделать исключение, среди прочих, пытались Стивен Спилберг, Джек Николсон, Леонардо ди Каприо, Тоби Магуайр и Теренс Малик, но с его смертью 27 января 2010 года поставлена окончательная точка: титров *Based upon 'The Catcher in the Rye' by J.D.Salinger* мы не увидим никогда. Сэлинджер писал: «Тот факт, что я не увижу воочию результатов (гипотетической экранизации), бесконечно меня радует...»

<https://www.livelib.ru/author/21507>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

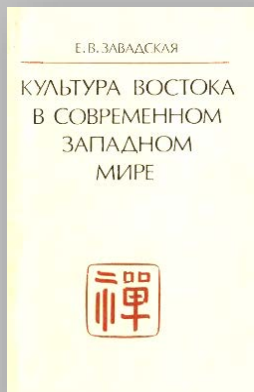
Аствацатуров, А. Феноменология текста : игра и репрессия / А. Аствацатуров . – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 288 с.

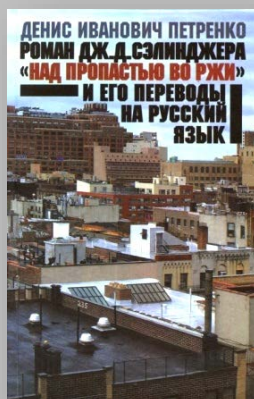
Галинская, И. Л. Загадки известных книг / И. Л. Галинская. Загадка Сэлинджера. – М. : Наука, 1986. – С. 9-64.

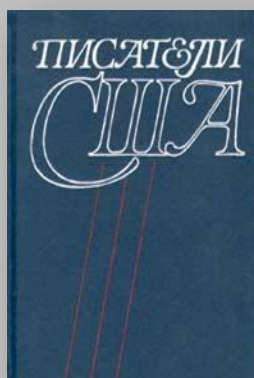
Галинская, И. Л. Философские и эстетические основы поэтики Дж. Д. Сэлинджера / И. Л. Галинская ; Акад. наук СССР, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Ин-т США. – М. : Наука, 1975. – 108, [2] с.

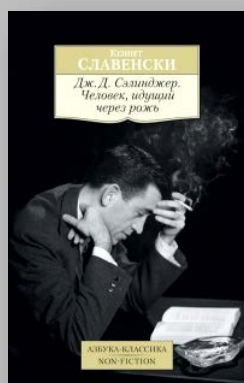
Завадская, Е. В. Культура Востока в современном западном мире / Е. В. Завадская. Чань и литература Запада. Отв. ред. Л. П. Делюсин. – М. : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1977. – С. 100-116.

Петренко, Д. И. Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и его переводы на русский язык / Д. И. Петренко ; под ред. проф. К. Э. Штайн. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2009. – 240 с.

Писатели США / М. Тугушева. Сэлинджер. – М. : 1990, с. 483.

Славенски, К. Дж. Д. Сэлинджер. Идя через рожь / К. Славенски ; пер. с англ. А. Дорошевича, Д. Карельского. – М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2012. – 494, [1] с.

Сэлинджер, М. А. Над пропастью во сне: мой отец Дж. Д. Сэлинджер / М. А. Сэлинджер. – М. : Лимбус-Пресс, 2006. – 576 с.

Шилдс, Д. Салерно Ш. Сэлинджер / Д. Шилдс, Ш. Салерно ; пер. с англ. А. А. Калинина. – М. : Эксмо, 2015. – 718 с. : ил.

- Белов, С. Парадоксы Дж. Сэлинджера / С. Белов // Литературное обозрение. – 1985. – № 2 – С. 62.
- Борисенко, А. Сэлинджер начинает и выигрывает / А. Борисенко // Иностранная литература. – 2009. – № 7. – С. 241-246.
- Фаликов, Б. З. «Ради толстой тёти». Духовные поиски Дж. Д. Сэлинджера / Б. З. Фаликов // Иностранная литература. – 2009. – № 2. – С. 203-216.
- Щербак, Н. Эхо войны в творчестве Сэлинджера / Н. Щербак // Звезда. – 2015. – № 9.